

А.В. Гусева (Москва, Россия)

Образы женщин в журнале «Московский Меркурий» П.И. Макарова

Аннотация: В статье анализируется формирование образа просвещенной женщины в журнале «Московский Меркурий», рассматриваются как идеальные, так и сатирические женские образы. Внимание уделено трансформации восприятия женщин и их роли в обществе в контексте изменения литературных и культурных норм: дискуссий о языке, развития сентименталистской литературной традиции, «феминизации» литературы.

Ключевые слова: женский журнал, феминизация литературы, образы женщин

A. V. Guseva (Moscow, Russia)

Female Images in “Moskovsky Merkuriy” by P.I. Makarov

Abstract: The article analyzes the formation of the image of an enlightened woman in the “Moscow Mercury” magazine, examining both ideal and satirical female images. Attention is paid to the transformation of the perception of women and their role in society in the context of changes in literary and cultural norms: discussions about language, the development of a sentimentalist literary tradition, the “feminization” of literature

Key words: women’s magazine, feminization of literature, female images

«Московский Меркурий» – журнал, который издавался в 1803 г. Всего в течение 1803 г. было выпущено двенадцать номеров, каждый из которых включал следующие разделы: «Смесь», «Русская литература», «Иностранная литература», «Уведомления» и «Мода». Выпуски, по первоначальной задумке автора, должны были издаваться ежемесячно, однако впоследствии иногда выходили с опозданием.

В начале XIX в. «Московский Меркурий» (далее – ММ.) входил в число наиболее влиятельных и популярных изданий. Г.Н. Геннади, известный русский библиограф и первый исследователь ММ., писал, что этот журнал «занимает первое место после “Вестника Европы” на момент 1803 года», и отмечал, что «по выбору и слогу статей, по направлению и в особенности по критическим статьям [ММ.] превосходит прочие тогдашние журналы»¹. Действительно, «критика» позиционировалась в качестве одной из целей издания «ММ.», это было обозначено и в объявлении о подписке.

¹ Цит по: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т. 3 : Журналы (З–М), СПб., 2006. С. 310.

Казалось бы, здесь нет упоминания об ориентации на женскую аудиторию, однако первый выпуск открывается статьей «Некоторые мысли издателей Меркурия», всецело посвященной женщинам и их общественной роли, а в конце выпуска, в уведомлении, своеобразное посвящение: «вам, любезные читательницы, желаем предпочтительно угодить»¹. Эта мысль повторяется и в других выпусках. Стоит отметить и то, что несмотря на то, что отдел моды, рассчитываемый на женщин, был небольшим и по замыслу занимал подчиненное положение, тем не менее именно под него подстраивался график выхода журнала. О том, что ММ. предназначался для женской аудитории, писал Г.Н. Геннади: «исключительно дамский журнал, но по понятием времени»², под понятием времени исследователь подразумевает то, что на момент середины 1850-х дамскими журналами называются модные.

Издателем ММ., полностью определявшим содержание публиковавшихся материалов, был П.И. Макаров. Он родился в 1764 г. в семье состоятельного казанского помещика; как отмечается, сначала его воспитывал тот же гувернер-француз, что ранее воспитывал М.Н. Муравьева; далее была учеба в Казанской гимназии³.

П.И. Макаров практически ровесник Н.И. Карамзина, однако свою литературную жизнь начал позже, только в середине 1790-х он занялся переводами с французского. Биография Макарова так или иначе не обходится без сравнений с Н.М. Карамзиным. П.И. Макаров разделял взгляды Карамзина на развитие русского литературного языка – «писать, как говорят», в вопросах просвещения он значимую роль придавал женщинам, развивал мысль, что женский язык то, на что в будущем должно ориентироваться развитие письменной речи. Если говорить о различии между двумя издателями, то на момент издания «Вестника Европы» Н.М. Карамзин изменил свое отношение к литературной критике, отошел от нее, в то время как П.И. Макарова отводил ей значимую роль. Ю.М. Лотман писал, что Макаров был гораздо больше настроен на «эпатирование»: он не боялся шокировать, например, публикациями с одобрением французских мод⁴.

Перед тем как приступить к анализу журнала, необходимо сделать обзор исторического контекста. Здесь стоит остановить внимание на развитии сентименталистской литературной традиции и выходящему из нее феномену «феминизации» литературы.

Термин «феминизация» литературы встречается уже в работе В.В. Виноградова 1935 г. и затем используется как советскими, так и современными исследователями. Феминизация в этом контексте означает ориентацию писателей (как правило, писателей-карамзинистов) на «благосклонную улыбку прекрасного пола»⁵.

Примеры феминизации можно найти, например, в «Московском журнале» (1791–1792), где Н.М. Карамзин, оценивая слог перевода, апеллировал к женщинам: «говорят ли так молодые женщины», «нельзя сказать в разговоре, а особливо молодой девице»⁶. Более полно это отразилось в «Послании к женщинам» (1795 г.), где Н.М. Карамзин не только выразил желание быть писателем «для вас,

¹ Московский Меркурий. Ч. 1. С. 70.

² Геннади Г.Н. П.И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» // Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Отд. III. С. 70.

³ Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 3. М., 1994. С. 472.

⁴ Лотман Ю.М. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 355.

⁵ Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка М.; Л., 1935. С. 216.

⁶ Виноградов В.В. Очерки русского литературного языка. М., 1982. С. 194.

красавицы, приятным», но и отметил в женщинах наличие чувств, которые позволяют достигать истины быстрее, чем это получается у мужчин.

Такие идеи получили развитие, в значительной степени, под влиянием французских дореволюционных салонов, где женщины играли важную роль в культурной и литературной сферах. Однако в России образ женщины как двигателя русской литературы являлся больше плодом воображения, желанным образом, к которому стоит стремиться. Ю.М. Лотман отмечал, что Н.М. Карамзина, обращаясь к женщинам, «имел в виду не реальных дам и не реальное светское общество своей эпохи: ...современницы Карамзина русских книг не читали»¹. Литература в данном контексте воспринимается как инструмент, способный оказывать влияние на общество.

Другой значимый феномен, который был привнесен сентиментализмом и повлиял на восприятие женщин и женской роли, – сентиментальная дружба. Примером таких отношений служит многолетнее общение Карамзина с Настасьей Ивановной Плещеевой. По мнению Ю.М. Лотмана, новизна такой формы общения в том, что она освобождала женщину от «альтернативы: быть или женой, или любовницей» и приводила к убеждению, что «самое высокое в человеке – это человек»².

Таким образом, сентиментализм внес много новых элементов в восприятие женщин, он заговорил об их особом, чутком внутреннем мире, что позволяло им принять роль просветительницы, положительно влияющей как на литературу и язык, так и на нравы общества. Однако такой образ неизменно формировался под влиянием мужской перспективы и был независим от мнений самих читательниц.

Нельзя не отметить, что «феминизация» имеет свои истоки. Образы покровительницы салона, женщины, оказывающей влияние на литературный язык, женщины, вызывающей куртуазное поклонение, в той или иной мере были характерны для всего XVIII в., поэтому появление «просветительницы» – следствие не только сентиментализма, но и – отчасти – предшествующей литературной традиции.

* * *

«Некоторые мысли издателей Меркурия» – первая статья журнала, ее часто называют программной. Начинается она с обозначения проблемы, которая препятствует развитию общества: молодые люди рано перестают учиться и «в свете не имеют побудительной причины обогащать ума своего»³. По мнению автора, распространение образованности в огромной мере зависит именно от женщин. Так, слава Франции во многом стяжалась женщинами: они упражняются в литературе, их дома – средоточие изящного вкуса, куда стекаются светлейшие умы. Все это могло бы быть перенесено в Россию.

Несмотря на то что статья производит впечатление непрерывного гимна женщинам, помимо хвалебных эпитетов и метафор развитие получает идея важности женского просвещения. Просвещение женщинам необходимо, чтобы найти золотую середину между добродетелью и любезностью; а тот, кто не желает женщинам просвещения, – «враг их – эгоист».

Просвещенные женщины, по мнению автора, добродетельны и любезны, их общество оказывает благое влияние на нравы и на сердца, к тому же сама «про-

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 274.

² Там же. С. 270.

³ Московский Меркурий. Ч. 1. С. 4.

свещенность» для женщины представляет такую ценность, которая не пропадет со временем. Наверное, также стоит отметить, что просвещение как «образование сердца» мыслилось не только по отношению к женщинам, сентименталистами «нравственное образование стало рассматриваться как... задача, более существенная, чем самое обучение, – просвещение разума»¹.

Не менее примечательна попытка издателя изобразить ход истории через призму женских деяний. Автор обратился к великим женщинам прошлого – Сапфо, Аспазии, Элоизе, желая проиллюстрировать, что женщина способна совмещать знания с «приятностями» своего пола.

Следовательно, ключевой образ, развивающийся на протяжении статьи, – женщина образованная, совмещающая любезность, приятность и добродетель. Она активный участник общественной жизни, ее самореализация не должна ограничиваться семьей и хозяйством.

Рассмотрим, в каких еще вариациях появляется концепт женской просвещенности. Одна из героинь «вывезла» себе «провинциального Ловеласа» и, согласно брачному контракту, была обязана «держатъ своего мужа в своем доме, кормить и одевать его по моде». В других рассказах встречались героини, которые слыли «философками» и общались со многими учеными, однако это сопровождалось спесивостью и делалось лишь для того, чтобы «удивлять невежд». Такие женщины показываются с насмешкой, ведь там, где просвещенность и интерес к наукам лишь дань моде, нельзя говорить об улучшении нравов и воспитании сердца.

На страницах журнала часто появляются сатирические образы женщин, которые описываются как расточительные и изнеженные. Печатаются статьи, где изображается непомерная тяга к новым вещам: роскошь дошла до того, что стыдно в одежде на древнеримский лад принимать гостей в комнате «во вкусе французском». Примечателен комментарий, который издатель оставляет в конце этой статьи. П.И. Макаров радуется, что недовольство французских журналистов «вольным обхождением» и дамскими нарядами – мнение не всеобщее, в то время как большинство остается «под влиянием пола часто оскорбляемого – и вечно торжествующего». Можно предположить, что комментарий П.И. Макарова вызван куртуазным подтекстом, желанием угодить «милым читательницам»

Тем не менее представление о том, как выставляются издателем своеобразные границы допустимого, может дать комментарий к другой статье из раздела парижской моды². Автор отмечает, что главная мода сейчас на чувствительность, и для того, чтобы проиллюстрировать это вездесущее качество и доказать, что «благопристойность сделалась смешною», приводится в пример то, что юные девушки берут от мужчин уроки анатомии и плавания. Это уже переходит норму допустимого для П.И. Макарова, ведь если женщина «делается некоторым образом мужчиной», то она «теряет вернейший талисман пола своего: нежность».

Стоит отметить, что во многих печатаемых повестях и статьях можно заметить сравнение мужских и женских черт характера и способов восприятия реальности. В программной статье, например, отмечается, что женщинам не свойственна умеренность, поэтому «чего они захотят, к тому стремятся всеми силами»³, и даже то, что женские способности превосходят мужские. В рецензии на роман, написанный женщиной, после критических замечаний П.И. Макаров все же пишет,

¹ Московский Меркурий. Ч. 1. С. 42.

² Там же. Ч. 3. С. 64–68.

³ Там же. Ч. 1. С. 6.

что женщины лучше умеют заметить и описать «страсти, обыкновенные в обществе»¹. Как отмечается, приписывание женщинам «авторской чувствительности и уклон в психологические описания»² надолго станет характеристикой женских литературных трудов.

В то же время образ просветительницы и разные его вариации были далеко не единственными транслируемыми в журнале образами. Более распространенным, появляющимся гораздо чаще как в переводных трудах, так и в творениях отечественных авторов, является образ возлюбленной.

В любовных сюжетах идеал женщины часто описывается с акцентом на скромность и благонравие либо на чувствительность и нежное сердце, иногда эти качества находятся в сочетании. Героиня могла появляться в куртуазном духе – блистающей перед всеми³, могла подчеркиваться ее невинность – «как роза в долине... она не знала света, не знала себя»⁴ или «превосходные качества сердца, редкая красота с милою скромностью»⁵. В повести, рассмотренной ранее, где изображались писательница и философка в сатирическом ключе, примечательна характеристика положительного образа – «благонравная и чувствительная» Клариса, которая спасла героя от «разврата ума и сердца»⁶, а будучи супругой, смогла простить измену героя и вернуть его на путь добропорядочного семьянина.

Кроме идеалов возлюбленной, можно найти идеал супруги. В одном переводном рассказе идеальная жена для героя – это подруга и хозяйка, «образец терпеливости и снисходительности». Герою также важен ум, который может проявляться, например, в «разборчивости в похвале прекрасного и искренности в выражении своих замечаний... о неправильном»⁷. Что примечательно, когда герой нашел себе идеал в дочери священника, он бросил свое затворничество и почти все его занятия посвящались угождению своей супруге.

Если образы возлюбленной и супруги встречаются довольно часто, интересно, что образ женщины-матери не находит особого развития в журнале. Имеется один переводной рассказ⁸, в, можно сказать, руссоистском стиле, который был напечатан «единственно для картин поэтических», с образом молодой матери, заботящейся о своем маленьком ребенке. Рассказчик явно симпатизирует героине, которую описывает самым красноречивым образом: лицо чувствительно и умно, «глаза, блистающие огнем, но всегда послушные скромности». Героиня не смущается кормить ребенка грудью при рассказчике, в то время как он находит величественной картину, где мать выполняет свою «священнейшую должность».

Является ли это совпадением или нет, но после этого большого по объему переводного рассказа идет заметка из парижского журнала о необязательности грудного вскармливания⁹. Как отмечается, кормление стало модой из-за увлечения идеями Руссо, в то время как многие доктора не поддерживают подобную моду. В заметке приведены пять аргументов с целью доказать это, а завершается статья

¹ Там же. Ч. 2. С. 44.

² *Нестеренко М.* Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М., 2022. С. 49.

³ Московский Меркурий. Ч. 1. С. 193–209.

⁴ Там же. Ч. 2. С. 3–22.

⁵ Там же. Ч. 2. С. 149.

⁶ Там же. Ч. 3. С. 12.

⁷ Там же. Ч. 4. С. 93.

⁸ Там же. Ч. 3. С. 69–113.

⁹ Там же. Ч. 2. С. 114–116.

мыслью о потенциальном вреде вскармливания с точки зрения «нынешнего состояния общества и нравов».

Другой отрывок, который косвенно связан с темой материнства, – статья из раздела парижской моды. В этом разделе делался обзор как последних тенденций в одежде, так и нравов и привычек парижанок. Одна из отмеченных в статье особенностей – удивительная схожесть в поведении и манерах матерей и дочерей. Они одинаково одеваются, одинаково легко танцуют на балах, в их общении большая доверительность: они друг к другу обращаются на ты, более того, мать и дочь можно назвать лучшими подругами. В этом контексте не только акцентируется светская роль матерей, но и показывается менее привычная модель взаимоотношений матери и дочери, так как более были распространены отношения, в которых матери играли роль наставниц.

Далее представляется важным более детально рассмотреть женские образы, присутствующие в произведениях русских авторов, одно из них – «Путешествия в Малороссию» П.И. Шаликова. Герой произведения проводил много времени с дочерью помещицы: они музицировали, беседовали о книгах. Шаликов обращает внимание на стремление девушки к чтению, ее «скорость в понятии», при этом герой берет на себя наставническую функцию, сравнивает себя с Пигмалионом, отмечая, как прекрасно наблюдать «развитие способностей моральных» в ожившей статуе. Пример иллюстрирует одну из вариаций модели отношений, где мужчина является наставником для женщины в ее умственном и духовном развитии.

Автор сетует о плачевном состоянии просвещения в посещаемых им краях; юные грации прекрасны, но безмолвны: «для чего они в обществе? что занимает их? ... поминутно переходя из комнаты в комнату, и никто об них не беспокоится! Подойдите поговорить с ними, развеселите их – и найдете, что Природа для них не скупилась»¹. Просто бессердечно учить дочерей только ведению хозяйства, гораздо приятнее, когда прекрасные пленяют слух игрой на арфе или фортепиано.

Конечно, в этих размышлениях усматриваются распространенные сентиментальные тропы, как, например, игра на арфе, тем не менее указание П.И. Шаликова на необходимость образования как для полноценного участия в социальной жизни общества, так и для развития собственного потенциала достаточно прогрессивно.

Стоит отметить, что сентиментальные женские образы, так же как и образы женщин-просветительниц, раскрывались иногда с элементами иронии. Так, в первом номере журнала, после программной статьи, было опубликовано сочинение «Письма из Лондона», написанное П.И. Макаровым. В нем автор, следуя популярной среди сентименталистов традиции, описывает свое путешествие в эпистолярной форме. Однако этот травелог также содержит и элементы пародии, направленные как на некоторые тропы, так и на саму концепцию сентиментального путешествия. Автор указывает, что его цель – дать отчет «в подлинных своих деяниях и мыслях», именно поэтому в повествовании нет, например, вздохов о «прелестной англичанке – белокурой, нежной, томной, чувствительной – с голубыми глазами» – в этой фразе собраны воедино самые распространенные эпитеты, которые использовались при описании женщин.

Подводя итог, можно сказать, что женщины появляются на страницах журнала в различных амплуа: просветительницы, Музы, светской дамы, сентиментальной возлюбленной, добропорядочной супруги. Конечно, границы между этими обра-

¹ Московский Меркурий. Ч. 3. С. 172–173.

зами являются условными и могут переплетаться друг с другом в рамках одной литературной композиции. Журнал – в рамках исследуемого периода – отличается прогрессивным взглядом на роль женщин в обществе. Это в значительной мере связано с образовательными установками сентименталистов, а также увлечением французской модой, где светские женщины играли значимую роль. Все это можно вписать в более широкую мировоззренческую арку издателя, согласно которой «чем народы просвещеннее, тем они сходнее»¹. При анализе идеальных женских образов можно отметить использование европейских героинь в качестве примеров – Клариссу, Элизу Стерна, Элоизу и Лотту.

Просвещенческая функция журнала не носила сугубо морально-дидактического характера; тема женского воспитания затрагивалась, но не в традиционной рамке воспитания идеальной жены или хозяйки с акцентом на христианскую мораль.

Если рассматривать качества, представленные в журнале для идеальной супруги, отмечается необходимость проявления любезности и скромности, верности и терпения, готовности к прощению и одновременно обладания чувствительным сердцем. Образ просветительницы не идет вразрез с этим образом. Роль женщины-просветительницы не ограничивается светскими салонами и общественной ролью, важным здесь является облагораживание сердец. И идеальную супругу можно назвать просветительницей, так как ее усилия направлены на благо своего мужа.

Журнал показывает, как автор формирует образ читательницы. Издатель, публикуя материалы и обращаясь к своей читательской аудитории, предлагает содержание, которое, по его убеждению, может оказаться полезным и приятным для женщин. Особое внимание уделяется разделам, посвященным любовным повестям и литературной критике, причем первые способствуют развитию эмоциональных качеств и сочувствия, в то время как вторая служит развитию литературного языка.

Все это может указывать на серьезность и искренность намерений автора в стремлении к просвещению женщин. Возможно, поэтому постепенно образ просветительницы трансформируется из абстрактной идеи в живой, осязаемый феномен, подтверждение которому можно найти в письме К.Н. Батюшкова: «вечер, проведенный у Самариной или с умными людьми, наставит более в искусстве писать, нежели чтение наших “варваров”»².

ЛИТЕРАТУРА

Батюшков К.Н. Сочинения К.Н. Батюшкова / Изд. П.Н. Батюшковым; со ст. о жизни и соч. К.Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примеч., составленными им же и В.И. Сайтовым. Т. 3. СПб.: Тип. (бывшая) Котомина, 1887. 804 с.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 454 с.

Геннади Г.Н. П.И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» // Современник. 1854. Т. XLVII. № 10. Отд. III. С. 65–94.

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма: (Эстет. и худож. искания) / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). СПб.: Наука, 1994. 279 с.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

¹ Там же. Ч. 4. С. 161.

² <Батюшков К.Н.> Сочинения К. Н. Батюшкова. Т. 3. СПб., 1887. С. 47.

Лотман Ю.М. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М.: Гнозис, 1994. С. 331–403.

Московский Меркурий. М.: В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1803.

Нестеренко М. Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2022. 280 с.

Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 3: К–М. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 592 с.

Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т. 3: Журналы (3–М): с росписью содерж.; сост. А.Р. Румянцев и др. СПб.: Типография «Наука», 2006. 598 с.

REFERENCES

Batyushkov K.N. (1887) Collected Works of K.N. Batyushkov. Vol. 3 / Ed. by P.N. Batyushkov; with a biography and writings of K.N. Batyushkov by L.N. Maykov, and notes compiled by L.N. Maykov and V.I. Saitov. St. Petersburg. Printing House Kotomin. 804 p.

Vinogradov V. V. (1982) Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th centuries: Textbook. 3rd ed. Moscow. Higher School Press. 528 p.

Vinogradov V.V. (1935) Language of Pushkin: Pushkin and the History of Russian Literary Language. Moscow; Leningrad. Academia Publ. 454 p.

Gennadi G.N. (1854) P.I. Makarov and His Magazine “Moskovsky Mercuriy”. *Sovremennik*. Vol. XLVII. No 10, pp. 65–94.

Kochetkova N.D. (1994) Russian Sentimentalism Literature: (Aesthetic and Artistic Quests). St. Petersburg. Nauka Publ. 279 p.

Lotman Yu.M. (1987) The Creation of Karamzin. Moscow. Kniga Publ. 336 p.

Lotman Yu.M. Debates on Language at the Beginning of the 19th Century as a Fact of Russian Culture. In: Uspensky B.A. Selected Works: In 2 Vols. Vol. 2. Moscow. Gnosis Publ. 1994, pp. 331–403.

Moskovsky Mercuriy. Moscow. In the University Printing House, by Lyubov, Gariy, and Popov. 1803.

Nesterenko.M. (2022) Roses without Thorns. Women in the literary process of Russia in the early 19th century. Moscow. Novoe Literaturnoe Obzrenie Publ. 598 p.

Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary / Ed.: P.A. Nikolaev. Vol. 3: К–М. Moscow. Bolshaya Rossiyskaya Enciklopedia Publ. 1994. 592 p.

General Catalog of Serial Publications in Russia (1801–1825). Vol. 3: Magazines (3–М): with information about contents; comp.: A.R. Romyantsev et al. St. Petersburg. Printing House “Nauka”. 2006. 598 p.

Сведения об авторе:

Анастасия Владимировна Гусева,
студентка
факультет гуманитарных наук
образовательная программа «История»
Высшей Школы экономики

Anastasia V. Guseva,
Student
Faculty of Humanities
Educational program “History”
of the National Research University
Higher School of Economics

avguseva_4@edu.hse.ru